

Глава 2. ТЕОРИЯ СТОИМОСТИ И КАПИТАЛА В АНАЛИЗЕ Г. В. ПЛЕХАНОВА

§ 1. Стоимость (Смит, Рикардо, Сэй, Бастиа, Милль, Родбертус, Лавелэ, Бем-Баверк)

Г. В. Плеханов дал яркое по форме и первое в России популярное изложение теории стоимости Маркса. Изучению стоимости он придавал решающее значение: «учение о стоимости по справедливости считается краеугольным камнем науки о законах буржуазного хозяйства. Кто ошибается относительно этой простейшей категории буржуазной экономики, тот необходимо должен ошибаться и относительно других ее категорий» (3, т. 6, с. 104).

Уже в своей ранней работе 80-х годов, в приложении к книге С. Дикштейна «Кто чем живет?», Плеханов затрагивает проблему стоимости и развивает понятие общественно необходимого труда. «**Стоимость всякого продукта, — пишет он, — определяется количеством труда, затраченного на его производство (т. е. на его изготовление)**» (3, т. 2, с. 377). Однако у человека, не знакомого с наукой, может явиться мысль, что если стоимость всякого продукта будет тем больше, чем больше труда потрачено на его производство, то неумелый и неловкий сапожник, провозившийся над своими сапогами гораздо больше, чем нужно, получит за них больше, чем опытный мастер, работающий хорошо и скоро. Но такое рассуждение ошибочно, говорит Плеханов.

Наука, по его мнению, говорит не о той излишней трате времени и труда, которая происходит от неловкости рабочего. Этот излишний труд есть труд ненужный, затраченный **без надобности**, а только по неумению. Наука, подчеркивает Плеханов, говорит о труде **необходимом**, без которого обойтись невозможно. Этот **необходимый труд** так же бывает не всегда одинаков. Например,

всякому известно, что на швейной машине скорее можно шить, чем без машины. Пока не было швейных машин, трудом, необходимым на шитье, был труд средней швеи. Когда же были изобретены швейные машины, необходимый труд стал меньше. Теперь труд швей-работавшей вручную, уже не полностью будет необходимым, а только та его часть, которая равна времени, истраченному при шитье на машине. Предположим, что швея тратит на изделие шесть часов, работая вручную, а на машине его можно сшить за два часа. Тогда шесть часов швей будут равняться только двум часам необходимого труда. Введение машин всегда разоряет ремесленников, работающих ручным инструментом.

Но это еще не все, считает Плеханов, чтобы труд был трудом необходимым, нужно чтобы произведенные продукты были нужны обществу, чтобы на них был спрос. В настоящее время, пишет он, есть спрос на полотна, значит труд ткача есть труд необходимый. Но, положим, нужно десять тысяч штук полотна, а изготовлено двадцать тысяч, т. е. вдвое больше, чем требовалось, значит и труда на производство истрачено вдвое больше, чем нужно. Излишний труд не есть необходимый труд. Если люди, изготовившие полотна, все разом станут его продавать, то стоимость полотна будет вдвое меньше, чем она должна быть по-настоящему. Каждый изготовитель понесет убыток и увидит, что половину времени истратил даром. Если же половина людей, изготовивших полотна, продаст его раньше других, то им удастся продать его в соответствии с затраченным трудом. Но другая половина производителей совсем не найдет покупателей, труд окажется излишним, стоимость будет равна нулю, а потому на производство полотна вовсе не затрачено необходимого труда.

При отсутствии спроса на полотна цена его будет сильно снижаться. Тогда производители изготовят его меньше. В результате цена поднимется.

Если полотна изготовят сколько нужно, то весь труд, затраченный на его производство, будет трудом необходимым. А если полотна приготовят меньше, чем требуется, то цена его возрастет еще больше. На большие прибыли явятся другие производители полотна и вывезут его на рынок. Тогда цена его упадет и т. д.

Эти колебания цены, делает вывод Плеханов, приводят к тому, что если мы возьмем много лет и много случаев, то увидим: стоимость определяется количеством труда, необходимым на производство продукта. Следует так же помнить, считает он, что под количеством труда, необходимым на производство какого-либо продукта, нельзя понимать труд рабочего одного какого-нибудь ремесла. Например, в замке заключается труд не только слесаря,

но также рудокопа, того, кто занимается выплавкой руды, перевозчика и т. д. Все эти рабочие способствовали приготовлению материала для замка, поэтому труд их должен идти в расчет при определении стоимости. Стоимость машины так же учитывается при определении стоимости изделия, следовательно, в расчет необходимого труда нужно включать время, затраченное на перенос части стоимости машины на готовый продукт.

Свой взгляд на стоимость Плеханов продолжает развивать в главе «Стоимость» отдела «Политико-экономические взгляды Н. Г. Чернышевского» в работе «Н. Г. Чернышевский». Здесь Плеханов обращает внимание прежде всего на то, как стоимость выражает общественные отношения товаропроизводителей. Для этого он анализирует своеобразие общественного разделения труда в условиях товарного производства, когда хозяйственная автономия производителей означает глубокую зависимость их друг от друга и процесс обмена является единственной формой связи.

В буржуазном обществе, пишет Плеханов, разделение труда доведено до очень высокой степени. Причем следует разделять общественное разделение труда и разделение труда внутри мастерской. При общественном разделении труда каждый производитель, занимаясь изготовлением одного какого-нибудь продукта, производит не те предметы, которые нужны лично ему для удовлетворения его собственных потребностей, а те, которые нужны для других производителей, одновременно с ним занимающихся выделкой других предметов. В этом заключается взаимная зависимость производителей. Но с другой стороны, при буржуазном порядке производители совершенно независимы один от другого. Средства производства составляют частную собственность производителей, точно так же, как и изготавливаемые с их помощью продукты. При таком положении дел обмен является единственной общественной связью между производителями. Только вывозя свой продукт на рынок и обменивая его на другие, производитель получает возможность удовлетворять свои собственные потребности. Таким образом, продукты буржуазных производителей становятся товарами. Товары обмениваются один на другой в известной пропорции. Каждого производителя, естественно, интересует прежде и больше всего вопрос о том, какое именно количество других товаров он может получить в обмен на свой собственный, иначе говоря, какова меновая стоимость его товара. «А когда в обществе, основанном на товарном производстве, появляются ученые, занимающиеся исследованием законов экономической жизни этого общества, то вопрос о меновой стоимости получает огромное теоретическое значение, он становится одним из основных вопросов буржуазной по-

литической экономии» (3, т. 6, с. 80), — приходит к заключению Плеханов. Рассмотрев, чем определяются меновые отношения товаров, Плеханов делает вывод, что «меновые отношения товаров выражают собою взаимные отношения людей (их производительных деятельностей) в общественном процессе производства» (3, т. 6, с. 81). Плеханов вспоминает слова Маркса о том, что «меновая стоимость есть известный общественный способ выражения труда, употребленного на какую-нибудь вещь», а это «очевидно означает, — говорит Плеханов, — что труд есть единственный источник меновой стоимости и продолжительность его служит ее мерилом» (3, т. 6, с. 81). Но, по мнению Плеханова, это становится очевидным только тогда, когда мы смотрим на вопрос о меновой стоимости с точки зрения общественных отношений производителей.

Таким образом, Плеханов ясно высказывает мысль о кардинальном выводе теории Маркса — стоимость выражает общественное отношение товаропроизводителей.

Но на этом Плеханов не заканчивает свое исследование. Он характеризует стоимость как историческое, социальное явление.

Плеханов пишет, что некоторые писатели выражают недоумение по поводу измерения стоимости деньгами. Раз стоимость товара определяется трудом, рассуждают они, почему же товары не обмениваются непосредственно один на другой по количеству затраченного на них рабочего времени? Отсюда и выросли проекты «организации обмена», которые должны были лишить деньги принадлежащей им «привилегии».

Несостоятельность подобных проектов, указывает Плеханов, легко видна, достаточно понять свойственные буржуазному порядку отношения производителей. В буржуазном обществе производители работают независимо один от другого, каждый трудится как хочет и как умеет на свой собственный риск и по своему собственному усмотрению (говоря о производителях, Плеханов имеет в виду хозяев и предпринимателей). Поэтому и отношение труда каждого из них ко всему общественно-производительному механизму определяется на рынке, за спиною людей, действием слепой экономической силы, называемой конкуренцией. Но это еще не все. Каждый производитель старается создать такой продукт, который был бы кому-нибудь нужен, который представлял бы собою общественную потребительную стоимость. Если его продукт не удовлетворяет этого условия, то он не будет товаром. Но буржуазные производители не знают и не могут точно знать общественных потребностей ни с количественной, ни даже с качественной стороны.

Из этого и проистекают все те многочисленные опасности, которые угрожают продуктам буржуазных производителей на рынке. Продукт данного производителя может удовлетворять какую-нибудь новую потребность или хочет вызвать таковую. Какое-нибудь занятие может отрываться от целого, обособляться. Обстоятельства для такого обособления могут сложиться или не сложиться. Даже на продукты, которые всегда нужны обществу и качественная сторона которых поэтому известна, нет точных количественных характеристик. Одному производителю не известно, сколько сделает его соперник. Продуктов можно произвести больше или меньше, чем нужно. Вследствие этого цены будут падать или возрастать. Колебание цен указывает на анархическое состояние буржуазного производства, но в то же время оно является регулятором его, и притом, единственным необходимым регулятором. Если бы цены не колебались, пишет Плеханов, если бы каждый отдельный производитель мог обменивать свой продукт на другие, подобно тому количеству времени, какое на него затратил, то существование буржуазного общества сделалось бы невозможным. Продукты могли бы непосредственно обмениваться на другие продукты по количеству времени, затраченному на их изготовление, только в том случае, если бы общественное производство было организовано и велось по определенному плану. Тогда труд каждого отдельного производителя всегда имел бы общественный характер, потому что всегда создавал бы только нужные для общества продукты. Но тогда, говорит Плеханов, «обмен товаров на рынке отошел бы в область предания. Как распределялись бы тогда продукты — это вопрос другой. Распределение их соответствовало бы «высоте исторического развития производителей». Но несомненно, что продукты не делались бы тогда товарами, в купле-продаже их на рынке не было бы ни смысла, ни надобности. Невозможно говорить об «организации обмена» в таком обществе, в каком обмена не существует. Ясно, стало быть, что все рассуждения об обмене продуктов без посредства денег так же неприменимы к подобному обществу, как несостоятельны они по отношению к современному буржуазному порядку» (3, т. 6, с. 85).

В связи с характеристикой стоимости Плеханов затрагивает вопрос цен. Он пишет, что товарные цены постоянно колеблются и поэтому товары в своем обмене постоянно отступают от того закона стоимости, в силу которого они должны были бы обмениваться по количеству труда, затраченного на их производство. «Колебание товарных цен показывает, что отношение единичного труда всякого данного производителя товаров ко всему общественно-производительному механизму постоянно изменяется; что удель-

ный вес этого труда то приближается к нормальному, то отклоняется от него в ту или другую сторону» (3, т. 6, с. 86). Зная это, показывает Плеханов, можно увидеть, что закон стоимости проявляется путем постоянных отклонений от нормы, посредством своей собственной противоположности. По его мнению, смешны экономисты, которые думают опровергнуть закон стоимости ссылкой на колебания цен, между тем как посредством колебания цен он именно и проявляется.

Свой взгляд на теорию стоимости Плеханов отстаивает в полемике с русским экономистом В. В. Воронцовым в работе «Обоснование народничества в трудах г. Воронцова».

Плеханов критикует анализ трудовой теории стоимости с точки зрения «вечных отношений производства» и сведение стоимости к издержкам производства под видом приравнивания ее к сумме затрат производительных сил. Ведь из этого можно сделать вывод о возможности существования рынка и стоимости на всех ступенях развития общества, т. к. затраты производительных сил есть всегда, а не только в условиях товарной формы. Он доказывает, что общество свободных, независимых товаропроизводителей имеет в виду известную промышленную организацию и, следовательно, говорить о вечных законах производства невозможно.

Плеханов так же рассматривает как некоторые экономисты в России пытаются разрешить существующее на практике столкновение закона стоимости с законом равного уровня прибыли. Плеханов показывает, что они при этом впадают в полный субъективизм: первоначально сбиваются с анализа отношений производителей в процессе производства на анализ того, что происходит в душе этих производителей, затем одушевляют меновую стоимость, изображая ее примирительницей требований производства и распределения, «теряющей надежду» получить какое-либо неизменное основание.

Опровергая подобный субъективизм, Плеханов дает пример исторического подхода к анализу стоимости. Он пишет: «Меновая стоимость выражает собой отношения товаропроизводителей в общественном процессе производства. Пока и поскольку мы имеем дело с обществом простых товаропроизводителей, до тех пор и поскольку она выражает их точно и, **в общем**, совпадает с **трудовой стоимостью** продуктов. Но вот общественные отношения производителей усложняются. Простые товаропроизводители становятся капиталистическими товаропроизводителями (ведь капитал — это тоже общественное отношение производства). Меновые стоимости производятся теперь ради производства **прибавочной** стоимости.

Это усложнение общественных отношений производителей влияет на меновую стоимость в смысле ее отклонения от трудовой стоимости» (3, т. 9, с. 100).

Резкая критика антиисторизма и последовательная защита теории трудовой стоимости Маркса, закона цен производства, является крупным достижением Плеханова.

С позиций марксистской теории стоимости Плеханов дает анализ взглядов буржуазных экономистов.

Он считал заслугой экономистов-классиков объективный закон стоимости. Лучшим представителем экономической науки, говорит Плеханов, в вопросе о меновой стоимости удалось выяснить, по крайней мере, количественную сторону дела. «Рикардо решительнее и определеннее всех других высказал ту мысль, что величина меновой стоимости предмета определяется количеством труда, нужного на его производство» (3, т. 6, с. 81). Приближался к этой мысли и Адам Смит. Но у Смита был двойственный подход: он думал, что в первобытном обществе меновая стоимость продуктов определяется количеством труда, затраченного на их производство, а с появлением капиталистов и лендлордов под мерой стоимости понимается то количество труда, какое обменивается или покупается за эту вещь. Плеханов в связи с этим указывает на неоднозначность и неопределенность выражений Смита и думает, что они могут служить фундаментом самых противоположных мнений. Действительно, мысль об измерении стоимости покупаемым трудом впоследствии развивал Мальтус. Однако, как бы там ни было, говорит Плеханов, после Рикардо вопрос о величине стоимости мог считаться решенным. «Нападок на учение Рикардо о стоимости было много, но серьезных возражений не сделал никто, да, разумеется, никто и не мог сделать» (3, т. 6, с. 82).

Самым положительным в учении Рикардо Плеханов считает умение связывать вопрос о производстве прибавочной стоимости с вопросом о стоимости вообще. Рикардо видел, что стремление прибыли к одному уровню на всех предприятиях видоизменяет действие его закона стоимости. Понимая противоречие между законом равенства прибылей и законом стоимости, Рикардо пытался разрешить это противоречие как умел. «Но он не отказывался от своего взгляда на стоимость. Он понимал, что отказавшись от этого взгляда, он лишил бы себя возможности выяснить природу и происхождение самой прибыли» (3, т. 6, с. 89). Многие вульгарные экономисты, по словам Плеханова, до сих пор не могут простить Рикардо, что он не отклонялся от трудовой теории стоимости.

После Рикардо основное положение классической школы, по которому все предметы потребления, с экономической точки зре-

ния, должны рассматриваться лишь как продукты труда, которые ничего кроме труда не стоят, далеко не могло считаться общепризнанным. «С легкой руки Ж.-Б. Сэя возникло и развивалось новое учение о стоимости, которое на место вполне определенного понятия о труде старалось поставить лишенное всякого реального содержания понятие «о производительных услугах» (3, т. 1, с. 231). К Сэю присоединился и Бастиа со своей «категорией услуги».

Плеханов пишет, что Рикардо доставил много хлопот вульгарной политэкономии своей теорией стоимости. Имущим классам не хочется сознаваться в том, что доход их обязан своим существованием труду свободных рабочих, у которых отнимается часть их продукта. У них возникает опасение за прочность своего положения. Под влиянием этого опасения представители высших классов охотно соглашались с тем учением, по которому их доходы представляют собою продукт не труда, а особых «производительных услуг», почвы и капитала. Они обнаруживают тем самым особую склонность к экономическим теориям Сэя.

Более сложным является представление о стоимости у другого представителя вульгарной политэкономии Джона Стюарта Милля. Плеханов подробно излагает его взгляды в работе «Н. Г. Чернышевский».

Плеханов верно отметил как положительные стороны, так и основные недостатки теории стоимости Милля. С одной стороны, Милль хорошо знал учение Рикардо, по которому труд является единственным источником стоимости товаров и не мог совершенно игнорировать великого экономиста. С другой стороны, он и не мог всецело согласиться с ним. Поэтому Милль постарался переделать учение Рикардо на свой лад. Милль, как это показал Плеханов, утверждает, что Рикардо прав только в том смысле, что труд есть главный элемент стоимости. Но кроме него есть и другие, второстепенные.

В конце концов Милль приходит к положению: предметы естественным и постоянным образом обмениваются друг на друга по пропорции количества рабочей платы, какую надо употребить на их производство, и количества прибыли, какая должна быть получена капиталистами, выдающими эту плату.

Плеханов сделал в связи с этим верный вывод, что Милль фактически порывал с трудовой теорией стоимости и переходил на позиции вульгарной теории издержек производства. «Здесь нет уже и следа учения Рикардо о стоимости; оно бесследно скрывается в тумане эклектицизма, который позволяет относить прибыль предпринимателя к издержкам производства» — пишет Плеханов (3, т. 6, с. 88).

Кроме того, Плеханов показал, что Милль неправомерно исключал из величины издержек стоимость основного капитала. По мнению Милля, во всем процессе производства «все затраты состоят исключительно из рабочей платы». При таком взгляде на издержки производства, стоимость товара, по Миллю, сводится к формуле: рабочая плата + прибыль.

Правда, Плеханов отметил, что Милль все же считается с фактом перенесения стоимости производительных средств на стоимость товара. Так, «под рабочей платой он, по крайней мере иногда, понимал не только плату рабочих, трудившихся в данном году над производством этого товара. Он имел в виду так же и плату рабочих, приготовивших сырой материал и другие средства производства. А вот эти средства производства могут представлять собою продукт труда предыдущего года или даже предыдущих лет. То же по отношению к прибыли. В формуле: **рабочая плата + прибыль** должна быть принимаема в соображение прибыль всех тех предпринимателей, через руки которых прошли средства производства в процессе своего изготовления» (3, т. 6, с. 154). Понятая таким образом формула очень плохо выражает процесс перенесения стоимости средств производства на стоимость данного товара, но все же считается с ним.

Критикуя Милля Плеханов стоит на позиции, что прибыль предпринимателя есть часть стоимости, созданной неоплаченным трудом работника. Зависит ли величина этой стоимости, — спрашивает он, от ее распределения между работником и предпринимателем? Отвечая на него, он образно показывает, что «так же мало зависит... как размер шкуры убитого медведя — от взаимных отношений между охотниками, принимавшими участие в облаве. Всякий понимает, что, как ни дели медвежью шкуру, она в целом не будет ни больше, ни меньше, чем она была прежде. Но когда заходит речь о величине стоимости, то экономистам начинает казаться, что она, хоть «немного», хотя бы только «отчасти», зависит от обмена или от распределения» (3, т. 6, с. 88).

Плеханов считает, что в этом случае экономистов сбивает с толку коммерческая точка зрения единичного предпринимателя. Единичный предприниматель в своих расчетах действительно имеет в виду не труд, т. е. не трату человеческой силы, а издержки производства (которые вовсе не сводятся к одной только заработной плате) и прибыль. Но ведь мало ли что имеет, мало ли чего не имеет в виду единичный предприниматель, — говорит Плеханов. И по собственному замечанию Милля слово «богатство» имеет два значения: один смысл — применяясь к имуществу отдельного человека, другой смысл — применяясь к имуществу нации или

человеческого рода. Может быть, продолжает Плеханов, и выражение «издержки производства» имеет один смысл в применении к отдельному предпринимателю, а другой смысл — применяясь к нации? И если, действительно, выражение это имеет два смысла, то какой именно смысл должен иметь в виду экономист, рассуждающий о богатстве наций. Единичный предприниматель может иметь в виду даже штрафы, которые позволяют ему уменьшить его расходы на рабочую силу. Неужели придется и штрафы отнести к «случайным» элементам стоимости? Мы не видим, почему бы не сделать этого тем экономистам, которые не могут расстаться с точкой зрения единичного предпринимателя, — говорит Плеханов.

«Нам заметят, пожалуй, — пишет Плеханов, — что Милль не так уж далеко расхотелся с Рикардо, как мы думаем. Сам Рикардо признавал, что стремление к одному уровню во всех предприятиях видоизменяет действие его закона стоимости. Называя прибыль «элементом» стоимости, Милль, может быть, только иначе выражал мысль своего учителя» (3, т. 6, с. 89). Но это не так, считает Плеханов. Милль существенно исказил взгляд Рикардо. Рикардо никогда не отказывался от теории трудовой стоимости. Милль поступил наоборот. Из столкновения закона стоимости с законом равенства прибылей он выкроил какой-то средний закон стоимости, который в ложном свете выставляет как природу стоимости, так и природу прибыли. Указанное Рикардо противоречие двух законов отразилось в голове Милля в виде «путаницы двух понятий».

Но, допустим, — говорит Плеханов, — что Милль прав; положим, что предметы обмениваются «по пропорции количества рабочей платы... и количеству прибыли». Как согласить это с уверенностью Милля в том, что «стоимость — явление относительное»? «Почему же — «относительное»? — спрашивает Плеханов. Разве «издержки производства» (как понимает их Милль) не могут служить внутренней мерой стоимости?» (3, т. 6, с. 89). Предположим, например, что для производства продукта нужно 2 рабочих дня, за которые предприниматель платил, положим, 2 рубля. Его прибыль равнялась а рублей. Стоимость продукта, по Миллю, будет — 2 рубля + а рублей. Если теперь для производства продукта нужен только один день, значит стоимость продукта будет равна 1 рубль + 1/2 а руб. Таким образом, ничего не зная о меновом отношении своего продукта к другим товарам, предприниматель видит, что стоимость его упала наполовину. Как же можно сказать, что она — явление «относительное»? Для этого, — делает вывод Плеханов, — нет никакого логического основания даже в ошибочных взглядах Милля» (3, т. 6, с. 90).

Как видим, Плеханов верно заметил основной недостаток теории стоимости Милля: сведение стоимости к издержкам производства. Он правильно показал, что теория издержек не в состоянии решить проблему стоимости. Если стоимость товара определяется **стоимостью издержек его производства**, то остается неясным, чем определяется стоимость этих издержек. Возникает проблема соизмерения заработной платы и прибыли, которая оказалась для Милля неразрешимой.

Милль так же, как это хорошо видно из критических замечаний Плеханова, по существу не признавал никакой стоимости кроме меновой.

Плехановский анализ убедительно вскрыл эти недостатки теории Милля.

Очень подробную характеристику дает Плеханов взглядам экономиста, который стоит на позициях определения стоимости исключительно трудом — Карлу Родбертусу.

По мнению Родбертуса, первое, по важности, место занимает «теорема», гласящая, что **«все предметы потребления — с экономической точки зрения — должны быть рассматриваемы как продукты труда, и только труда»** (3, т. 1, с. 254). Эту «теорему» Родбертус старается последовательно доказать. Плеханов показывает как Родбертус приходит к понятиям **«хозяйство»** и **«хозяйственные блага»**. Человеческие потребности, считает Родбертус, разнообразны и многочисленны. Приобрести необходимые для их удовлетворения предметы человек может лишь ценою затрат своего времени и своих усилий. И поскольку его способность к труду не безгранична, то он должен расходовать труд, равно как и приобретенные ценою его затрат, продукты с возможно большей осмотрительностью: он должен вести **хозяйство**. В область этого хозяйства будут, по словам Родбертуса, входить лишь те предметы, приобретение которых стоило человеку известного труда. В истории возникновения предметов потребления нет помимо труда других элементов, которые можно было бы рассматривать с точки зрения **стоимости** этих предметов. Но если все «хозяйственные блага» стоят труда, то под этим последним нужно понимать не только непосредственную работу. Человек вооружается искусственными орудиями, которые так же стоят труда. Таким образом, Родбертус считает, что каждый изготовленный продукт стоит, **во-первых**, труда, с помощью которого орудия производства были употреблены в дело, а, **во-вторых**, той работы, или известной части работы, которая нужна была для выделки самих орудий производства. До сих пор мы предполагали, пишет Родбертус, изолированное хозяйство самостоятельного производителя. Но известно, что таких

Робинзонов в действительности не существует. Уже на низших ступенях развития человеческих обществ в их среде замечается известное разделение труда, делающее возможной кооперацию нескольких производителей. Затем появляется частная собственность, обнаруживаются имущественные неравенства, земля и орудия производства скопляются в руках высших сословий. Родбертус спрашивает — не вносят ли все эти обстоятельства каких-либо ограничений в то положение, что «все продукты стоят труда и только труда»? Известно, пишет Родбертус, что этот вопрос был поводом ожесточенных споров между различными школами экономистов. По его словам, истина не изменяется ни вследствие разделения труда, ни с возникновением частной собственности на землю и капиталы. Разделением труда обуславливается лишь то, что над производством продукта трудится уже не одно, а несколько лиц, тогда продукт стоит труда всех рабочих. Возникновение же частной собственности ведет лишь к тому, что производители не трудятся более на себя.

Родбертус делает вывод: если в истории возникновения предметов потребления нет, кроме труда, других элементов, которые можно было бы рассматривать с точки зрения стоимости этих предметов, то мы имеем право предположить, что труд является единственной нормой, регулирующей обмен продуктов на рынке. Родбертус полностью солидарен с Рикардо, утверждавшим, что меновая стоимость предмета или количество всякого другого предмета, на которое он обменивается, зависит от сравнительного количества труда, необходимого на его производство. Плеханов показывает, что Родбертус совершенно в духе Рикардо решил и вопрос о колебании рыночной цены вокруг стоимости под воздействием спроса и предложения. Он замечает, что тяготение рыночной цены обуславливается конкуренцией предпринимателей.

Если в какой-нибудь отрасли производства предпринимателям удалось получить в обмен на свои продукты количество предметов, стоившее большего труда, чем стоили им собственные изделия, то это было бы равносильно увеличению их прибыли. Каждый, располагающий свободным капиталом, поспешил бы употребить его в дело именно в этой, более выгодной отрасли производства. Тогда предложение ее продуктов превысило бы спрос их на рынке, упала бы их рыночная цена, а вместе с нею и прибыль предпринимателей и меновая стоимость предметов снова стала бы в зависимость единственно «от количества труда, необходимого на их производство». В том случае, когда рыночная цена предметов упала бы слишком низко, произошло бы явление, обратное вышеописанному. Производство этих продуктов сделалось бы сравни-

тельно невыгодным, предприниматели стали бы переводить свой капиталы в другие, более прибыльные отрасли промышленности и рыночная цена этих продуктов, вследствие уменьшения предложения, снова поднялась бы до надлежащего уровня. Так, подобно маятнику, колеблется рыночная цена продуктов, стремясь совпасть с естественной их ценою. Таково, по словам Родбертуса, общее правило. Но существуют и исключения, которые обязаны двум причинам:

1) тому, что прибыль капиталистов имеет тенденцию сделаться равной во всех предприятиях;

2) тому, что меновая стоимость продуктов данного рода определяется количеством труда, необходимого на их производство в тех именно предприятиях, которые вынуждены работать при наименее благоприятных условиях.

Таким образом, Родбертус верно охарактеризовал основные проблемы теории стоимости.

Плеханов пишет, что все высказанное по поводу стоимости Родбертусом — просто и ясно. Но уже давно повелось подвергать оспариванию даже ясные научные истины, как только они становятся в противоречие с интересами сколько-нибудь влиятельных классов общества. А так как вопрос о меновой стоимости очень недвусмысленным образом касается интересов предпринимателей, то не могло быть недостатка в ученых, готовых оспаривать самые неоспоримые истины экономической науки. Немецкий экономист Германи утверждал, что обыкновенно продукты обмениваются на продукты большего количества труда, чем то, которое нужно было на их производство. И такие «теории стоимости» выдаются за последнее слово экономической науки. Плеханов ставит в большую заслугу Родбертусу, что он взял на себя труд напомнить экономистам учение Рикардо о меновой стоимости, так как понял: пока этот вопрос не будет выяснен окончательно, невозможно будет сколько-нибудь научное обоснование учения о распределении. Уже одно это, — пишет Плеханов, — показывает в Родбертусе «истинного ученика и последователя Смита и Рикардо» (3, т. 1, с. 265).

Плеханов считает неспоримой заслугой Родбертуса распространение здравых экономических понятий. Родбертус, по его словам, «разрушал как карточные домики аргументы экономистов, стремившихся доказать, что прибыль и рента обязаны своим существованием не труду работников, а производительным «услугам» почвы и капитала.

Но признание труда единственным источником материального богатства общества, по словам Плеханова, не предохранило Родбертуса от некоторой неясности в понятии о меновой стоимости.

Так, Родбертус считает, что сущность понятия о стоимости выражает потребительная стоимость. Но эта единая потребительная стоимость является или в виде индивидуальной, или в виде **социальной** потребительной стоимости. Первая определяется потребностями индивидуума, без всякого отношения к общественной организации; вторая потребительная стоимость — по отношению к общественному организму, состоящему из многих индивидуальных организмов. Она становится меновой стоимостью лишь путем исторического развития. Родбертус считает, что в условиях капитализма социальная потребительная стоимость необходимо должна принять вид меновой стоимости, но на следующей ступени общественного развития продукты уже не будут обмениваться на рынке, социальная потребительная стоимость выступит во всей ее чистоте.

Плеханов показывает, что Родбертус применяет в определении меновой стоимости свой излюбленный метод «отделения логических категорий от исторических». Ради этого Родбертус отказался от точного определения понятий о меновой и потребительной стоимости. Сказать, что меновой стоимости не будет там, где не будет обмена — верно, но это — тавтология. А признавать, что существует только один вид стоимости — значит противоречить учению Смита-Рикардо, которое легло в основу всей теории Родбертуса, — доказывает Плеханов. Смит и Рикардо говорили о труде как источнике меновой стоимости, но им, как пишет Плеханов, «в голову не приходило» отождествлять меновую стоимость продуктов с их «социальной потребительной стоимостью». Они сказали бы, что производство действительно должно иметь в виду удовлетворение известной общественной потребности, т. к. вне этого условия продукты не могут стать товарами. Но не все удовлетворяющие общественным потребностям продукты имеют одинаковую стоимость. «Меновая стоимость алмаза несравненно больше меновой стоимости хлеба, несмотря на то, что хлеб удовлетворяет одну из самых насущнейших «социальных потребностей», а алмазы служат почти единственно для украшения. Говоря о потребительной стоимости продукта, мы имеем в виду ту услугу, которую оказывает этот продукт целому обществу или отдельному человеку; между тем как меновая его стоимость определяется, по прекрасному выражению Маркса, тою услугою, которая была оказана самому продукту в процессе его производства. Никому не придет в голову мысль определять меновую стоимость машины тем количеством труда, которое она сберегает в производстве; а ведь это количество труда и представляет собою «социальную потребительную стоимость машины». Если бы меновая стоимость машин определялась их

социальной потребительной стоимостью, то какой смысл имело бы их употребление? Капиталист должен был бы платить за них именно то количество труда, которое они сберегают в производстве, и применение их было бы делом каприза, а не экономической выгоды. Социальная потребительная стоимость» не только не «является теперь в виде меновой стоимости», но представляет собою совершенно отличное от нее понятие» (3, т. 1, с. 346—347).

Плеханов доказывает, что историческое развитие не ведет к превращению одного рода стоимости в другой, а только к превращению продуктов в товары. И из хода исторического развития можно сделать только тот вывод, что продукты не всегда бывают товарами и что не всякое производство продуктов есть производство меновых стоимостей. Мысль Родбертуса об определении меновой стоимости в будущем периоде совершенно несостоятельна, т. к. характерную особенность будущего периода составляет, по его же собственному утверждению, отсутствие товарного производства. Родбертус не выяснил разницы между продуктом и товаром и поэтому впадает в противоречия.

Для чего. — спрашивает Плеханов, — определять меновую стоимость товаров там, где продукты не принимают товарной формы? На деле под меновой стоимостью продуктов будущего «всемирно-исторического периода» Родбертус понимает просто издержки их производства.

Некоторую ограниченность взглядов Родбертуса показывает Плеханов и в работе «О книге Кроче». По мнению Родбертуса закон ценности далеко не вполне господствует в капиталистическом обществе: если товары обмениваются друг на друга соответственно количеству труда, затраченного на их производство, то закон ценности применяется во всей своей силе; если нет, то действие этого закона как бы отменяется. Маркс, по мнению Плеханова, понимает этот вопрос несравненно шире. «Меновая ценность, — пишет Плеханов, — есть форма, которую принимает действие закона ценности, способ действия этого закона. Но если способ действия названного закона изменяется в зависимости от изменяющихся общественных отношений, то действие его неустранимо, как неустранимо действие вечных законов природы. Поэтому, если мы видим, что способ действия изменяется или осложняется по той или другой причине, например, вследствие конкуренции между капиталистами, то это отнюдь не означает, что само это действие прекращается или устраняется хотя бы только отчасти. Нет, проявляясь иначе или переплетаясь с действиями другого закона, оно все-таки остается во всей своей силе и задача исследователя заключается в том, чтобы проследить его через все разнообразие

новых форм и сплетений» (3, т. 11, с. 341). Родбертус считал решение этой задачи невозможным. Эту задачу решил Маркс. По словам Плеханова, Родбертус уверяя, что весь закон ценности состоит в том, что меновые отношения товаров определяются количеством труда, затрачиваемым на производство каждого из них, смешивает действие закона с одним из способов его действия, определяемых в каждое данное время экономической структурой общества. Эту же ошибку, — говорит Плеханов, — повторяют все те, которые думают, что в третьем томе «Капитала» Маркс отказался от своего учения о ценности.

Правда, если внимательно прочитать слова Плеханова, то получается, что он говорит о вечности и неустранимости закона ценности. Получается, что он признает его внеисторичность. На самом деле, очевидно, он имел в виду объективность данного закона и его значение для пропорционального распределения общественного труда в соответствии с общественными потребностями. Ведь необходимость такого распределения, действительно, для любого общества неустранима. Не случайно при этом Плеханов сослался на известное письмо Маркса Кугельману от 11 июля 1868 года.

В противоположность Родбертусу, представители историко-реалистической школы значительно расходятся с учением о ценности Рикардо. Плеханов приводит их мнение о том, что теория Рикардо является «несчастной идеей», что не понятно, каким образом такой умный человек, как Родбертус, мог принимать эту теорию. Очевидно его целью было подогреть недовольство рабочих и т. д. По мнению идеологов историко-реалистической школы, меновая ценность всякой вещи определяется не только необходимым для ее производства количеством труда, но и потребительной ее ценностью, которую она имеет в каждое данное время для покупателя.

Плеханов подробно рассматривает аргументы сторонников подобного взгляда на примере высказываний Лавелэ.

Лавелэ приводит следующие факты в подтверждение, что меновая ценность не пропорциональна труду. «В один день охоты я убиваю козу, вы убиваете зайца. И заяц, и коза будут продуктом одного и того же усилия, в течение одного и того же времени; но будут ли они иметь одинаковую меновую ценность? Нет: коза может служить мне пищей в течение пяти дней, а заяц — в течение одного. Ценность первой будет в пять раз более ценности второго. Вино Шато-Лафит стоит по 15 франков за бутылку, вино соседнего холма стоит франк. И, однако, первое не требует вдвое большего труда, чем второе» (3, т. 1, с. 208—209). Из этих примеров Лавелэ делает вывод, что меновая ценность непропорциональна

труду, а «проистекает из полезности», к полезности он так же прибавляет как условие, определяющее ценность, редкость вещи.

Представители классической политической экономии, — пишет Плеханов, — утверждая, что меновая ценность вещи как товара не зависит от «полезности» ее как предмета потребления, обычно ссылались на воздух и воду, большая «полезность» которых не подлежит сомнению. Если же для доставки потребителю этих «полезных вещей» нужна затрата человеческого труда, например, устройство вентиляторов, трубопроводов и т. д., то ценность их равняется именно этому количеству труда. «Полезность» вещи, потребительная ее ценность являлась для классиков необходимым предположением для того, чтобы предмет мог иметь какое-либо хозяйственное значение, чтобы он мог появиться на товарном рынке. Но количества, в которых обменивался бы этот предмет на другие предметы, определялись бы относительными количествами труда, оуществленными в этих предметах.

Лавелэ находит все эти рассуждения ошибочными. Ошибка, по его мнению, заключается в том, что имеется в виду вода вообще, между тем как вода у реки действительно ничего не стоит, а в пустыне — это огромная редкость. Следовательно, предметы тем ценнее, чем полезнее.

Плеханов считает рассуждения Лавелэ весьма характерными, потому что ими определяется все «научное» значение по меньшей мере трех четвертей «новых экономистов». Учение о ценности, говорит Плеханов, может служить пробным камнем для определения достоинства данной экономической системы. Каковы же в этом смысле успехи Лавелэ? Его попытки перестроить «старую» теорию ценности не имеют ничего общего не только с «индуктивным методом», но и вообще с каким бы то ни было научным методом. Вся его «критика» основывается на двух-трех «фактах», взятых без всякой «критики» и без всякой оценки их как экономических явлений. Затем на сцену выступает пустая и бессодержательная игра слов, основанная на самом вопиющем смешении понятий и самой удивительной неспособности их разграничения. Все эти «зайцы» и «козы», «Шато-Лафит» и «вино соседнего холма», «вода как стихия» и вода «в известном количестве» — все это привело бы в ужас самого Бастиа, который имел бы полное право заметить, что его сказочки, например, о «капитале и ренте» и остроумнее задуманы и вообще гораздо менее «компрометируют» защиту порядка», чем «реалистические измышления Лавелэ» (3, т. 1, с. 210—211). Где же это видано, пишет Плеханов, чтобы потребность капиталистического общества в пище удовлетворялась охотой? «Что стало бы со всею историко-реалистической школой, если бы

профессор Лавелэ принужден был охотиться за козами, а почтенный Вильгельм Рошер, перед тем как идти на лекции, должен был «убивать зайцев», которые затем и «служили бы ему пищей» в течение одного дня каждый?» (3, т. 1, с. 211). С другой стороны, есть ли какая-нибудь меновая ценность у продуктов охотничьей ловли, которые не обмениваются между собой ни непосредственно, ни посредством какого-либо третьего товара. «Но если бы, — говорит Плеханов, — как ни нелепы такие «робинзоны» — между «мною» и «вами» установилось правильное разделение нашего охотничьего труда и обмен его продуктов, то произошло бы одно из двух. Или «я» должен был бы платить «вам» за «зайца» «козой», если бы убить козу было всегда так же легко, как зайца, или «вы» прекратили бы охоту за «зайцами» и стали бы в свою очередь «убивать коз» (3, т. 1, с. 211). Разбирая другой пример Лавелэ — с водой — Плеханов показывает, что согласно мысли Лавелэ, вода на четвертом этаже полезнее, чем у реки, т. к. в первом случае воспроизведение ее стоило бы дороже, чем во втором, т. е. эта «полнзность» определяется не потребностями человеческого организма, а размерами пожертвования «денег или усилий», требующихся для ее обладания. Таким образом, по Лавелэ получается, что меновая ценность определяется тем «количеством затрат и усилий», которые нужно или не нужно делать для обладания этим предметом. Плеханов сравнивает эти, как он говорит, «образчики историко-реалистической мудрости» с «теоретической мудростью» Бастиа. Он пишет, что благодаря подобным теориям экономисты историко-реалистической школы дружно присоединились к хору вульгарных экономистов.

Решительно отвергает Плеханов и теорию субъективной ценности, основанную на теории предельной полезности. В работе «О книге Франка» Плеханов критикует взгляд, согласно которому «субъективная ценность благ определяется ценностью наименее полезного продукта труда» (3, т. 11, с. 355). Он показывает, что у сторонников данной теории получается: мерилom субъективной ценности продуктов оказывается труд, а субъективная ценность труда, этого «средства производства», определяется субъективной ценностью его наименее полезного продукта. «Это называется, — пишет Плеханов, — посылать от Понтия к Пилату или, выражаясь менее литературным языком, топтаться на одном месте» (3, т. 11, с. 355). Плеханов доказывает, что несмотря на целую «иерархию общественных потребностей», построенную сторонниками теории субъективной ценности, на деле, если для производства данного предмета нужно употребить столько же времени, сколько требуется для изготовления другого предмета, то трудовая ценность

этих предметов будет одинакова. «Это значит, что трудовая ценность продуктов **не совпадает** с их субъективной ценностью, **а потому и не может служить их мерилom**» (3, т. 11, с. 356). Это так же значит, по словам Плеханова, что все рассуждения построены на песке и «обладают совершенно ничтожной **предельной полезностью**». Вызваны эти идеи только одной потребностью — «поправить Маркса посредством Бем-Баверка» (3, т. 11, с. 355).

В своих работах Плеханов решительно отмежевался от теорий, определяющих стоимость полезностью, независимо от того, какая школа их высказывает — социально-этическая (во взглядах Лавелэ) или австрийская (во взглядах Бем-Баверка).

§ 2. Капитал (Кэне, Милль, Родбертус).

Выясняя сущность капитала, Плеханов, прежде всего, подчеркивает марксистское определение капитала: «капитал есть общественное отношение производства, а именно буржуазное отношение производства, отношение производства в буржуазном обществе» (3, т. 6, с. 109). По словам Плеханова, этим определением Маркс приводит буржуазных экономистов в величайшее удивление. Они не хотят даже спорить против такого определения, считая, что капитал — это или деньги или товар, или вообще средства производства; капитал — это вещь, или вещи, а вовсе не «отношение».

Поэтому Плеханов задался целью выяснить действительные признаки капитала. Главным отличительным его признаком он называет способность приносить «доход», периодически обростать прибылью, подобно тому, как овца обростает шерстью. Это должно быть всем известно, считает Плеханов. Когда капитал не приносит дохода, он считается «мертвым капиталом», капиталом, утратившим душу, не соответствующим более своему истинному понятию. Но буржуазные экономисты не указывают этот главный признак капитала, когда говорят, что капитал есть накопленный труд, служащий средством для нового производства. Тем самым они упускают из виду основной отличительный признак предмета.

Рассуждая дальше, Плеханов указывает, что форма капитала постоянно изменяется, а сам капитал остается без изменений. В процессе производства капитал является сначала в виде определенной суммы денег, которая и составляет первую фазу его превращений. Деньги употребляются затем на покупку необходимых для дела производительных средств; эти производительные средства составляют вторую фазу его превращений. Когда производительные средства находятся в наличности, начинается производство, в результате которого являются известные продукты—третья фаза превращения: продукты вывозятся на рынок для продажи, а с рынка капитал возвращается в карман своего обладателя опять в виде денег. Все эти метаморфозы так же необходимы для существования капитала, как для жизни животного необходим обмен

веществ в его организме. И в каждой новой фазе своего превращения капитал остается таким же капиталом, каким был во всех предыдущих. Это свойство, по словам Плеханова, объясняется тем, что всякий капитал представляет собой известную меновую стоимость, а для меновой стоимости решительно все равно какой товар является ее носителем. Но, если всякий капитал непременно представляет собою меновую стоимость, то не всякая меновая стоимость есть капитал, так как не всякая меновая стоимость имеет способность обростать «доходом». **«Капитал есть меновая стоимость, одаренная способностью к совершенно, по-видимому, производному возрастанию»** (3, т. 6, с. 111). Входя в процесс производства в виде данной величины A , она выходит из него в виде новой величины $A + a$. Это свойство капитала служит его главным отличительным признаком, подчеркивает еще раз Плеханов.

Меновая стоимость есть определенная общественная форма труда, употребленного на производство вещи. Меновые отношения товаров выражают собой взаимные отношения производителей в общественном процессе производства. Но если это так, делает вывод Плеханов, то и капитал, эта меновая стоимость, получившая новое свойство возрастания, не может представлять собою что-либо другое, кроме общественных отношений производителей. Все его свойства, как и все свойства меновой стоимости, должны вытекать из особенностей, определяющих отношения производителей в процессе производства. В этом смысле Маркс и говорит, что капитал есть буржуазное отношение производства.

Это отношение характеризуется тем, что в обмен на средства к жизни рабочий продает предпринимателю свою рабочую силу, которая и употребляет в дело запасенные ее покупателем производительные средства. Приобретенная предпринимателем рабочая сила составляет его собственность совершенно так же, как пряжа, машина или другое средство производства. Рабочий попадает под власть капитала. «Накопленный», овеществленный в средствах к жизни, труд господствует, таким образом, над живым трудом работника, и только это обстоятельство делает накопленный труд капиталом. С какой целью покупает капиталист рабочую силу, по словам Плеханова, известно всем и каждому. В процессе производства работник создает своим трудом стоимость, превышающую расход на покупку его рабочей силы или, что то же, — стоимость его заработной платы. Разность между новой, созданной работником, стоимостью и стоимостью его заработной платы называется **прибавочной стоимостью**. Эта прибавочная стоимость принадлежит предпринимателю и является источником того «дохода», который капитал приносит своему обладателю. Отсюда еще раз вид-

но, пишет Плеханов, что свойства капитала обуславливаются в действительности отношениями **людей**, а не какими-нибудь таинственными свойствами **вещей**, употребляемых на дальнейшее производство и называемых в политической экономии производительными средствами. «Мы видим так же, высказывает мнение Плеханов, — что будто бы парадоксальное определение: капитал есть общественное отношение производства» — вполне соответствует фактическому положению дела в буржуазном обществе» (3, т. 6, т. 112). Если подобное определение, считает Плеханов, удивляет буржуазных экономистов, то это происходит потому, что они, благодаря своим предрассудкам, не умеют или не хотят проникнуть в сущность капиталистических отношений. «Человеку, считающему буржуазный порядок самым лучшим и наиболее соответствующим «человеческой природе», нелегко прийти к тому заключению, что приятные и похвальные свойства капитала проистекают в сущности из эксплуатации одного общественного класса другим, эксплуатации нимало не похвальной и вовсе не приятной, по крайней мере, для одного из этих классов. Так объясняются нападки буржуазных экономистов на данное Марксом определение капитала с точки зрения того, что Кант называл психологической логикой. С точки же зрения формальной логики, они объясняются просто тем, что буржуазные экономисты видели только поверхность общественно-экономической жизни, а потому почти никогда не были в состоянии до конца проследить взаимную связь общественно-экономических явлений» (3, т. 6, т. 112—113).

Правда, написав эти слова, Плеханов оговаривается, что не имеет в виду классиков буржуазной экономики. Он признает их заслугу анализа капитала «в пределах буржуазного кругозора». Так, например, в работе «История русской общественной мысли» он высоко оценивает взгляды Кенэ. Физиократы учили, что земледельческим трудом создается чистый доход. Но этот чистый доход, пишет Плеханов, есть не что иное, как прибавочная стоимость. Физиократы доказывали, что Франция очень выиграет, если создаст общество, состоящее из землевладельцев, предпринимателей и наемных рабочих. Правда, они считали земледельческий труд единственным видом труда, способным создавать «чистый доход» и рекомендовали капиталистические отношения производства преимущественно в области земледелия, но Плеханов вполне справедливо отдает им должное, т. к. суть этих отношений физиократы во главе с Кенэ поняли верно.

Совершенно иным является понимание «измельчавших эпигонов» классической школы. Их взгляды характеризуются Плехановым на примере теории Милля. В работе «Н. Г. Чернышевский»

он вспоминает основной прием исследования Милля: изучение законов производства совершенно независимо от общественных отношений производителей. При таком методе Миллю не оставалось ничего другого как дать совершенно ничего не значащее определение капитала: «капиталом называются те продукты труда, которые служат средствами для нового производства». По этому поводу Плеханов замечает: «Всегда ли служащие для нового производства продукты труда создают прибавочную стоимость — это было неясно для Милля, да и самый вопрос об этом едва ли ставился перед ним, что называется ребром» (3, т. 6, с. 113).

Плеханов раскрывает выгодные для буржуазии причины подобного подхода Милля к капиталу: рассматривая «капитал» независимо от общественных отношений производителей, буржуазная политэкономия не откроет в нем решительно ни одного из тех неприятных свойств, с которыми приходится считаться пролетариату. В качестве «продуктов, употребляемых для дальнейшего производства», капитал есть нечто не только совершенно безобидное, но и «необходимое», полезное, «вечное» и «разумное». С этой точки зрения все нападки на «капитал» оказываются вопиющей нелепостью. В действительности же, говорит Плеханов, характер и свойства капитала определяются именно той экономической ролью, которую капиталисты играют при общественных условиях, делающих их капиталистами. «Отвлекаться от этой роли их значит добровольно закрывать глаза на природу капитала» (3, т. 6, с. 114).

Плеханов положительно оценил попытку Родбертуса показать, что появление капитала есть результат длительного процесса развития общества. В работе «Экономическая теория Карла Родбертуса-Ягцова» он показал, что Родбертус выделяет два понятия: капитал сам по себе и капитал, составляющий частную собственность (или капитал в историческом смысле слова).

По словам Родбертуса, содержание понятия об историческом капитале различно в различные исторические эпохи. Чтобы представить себе капитал в историческом смысле нужно припомнить античное общество, в котором люди (рабы) принадлежали капиталу частных лиц; затем нужно представить себе следующий всемирно-исторический период, в котором только земля и капиталы являются объектами частной собственности и в котором средства существования работников еще принадлежат к капиталу частных предпринимателей; наконец, нужно выяснить себе будущий период, в котором объектами частной собственности будут лишь предметы потребления; почва же и продукт национального производства, пока он не сделался еще доходом, составят собственность всего

государства. Современный Родбертусу исторический капитал, по его мнению, обнимает собою стоимость материала орудий труда и заработной платы.

Капитал сам по себе, капитал в логическом или национально-хозяйственном смысле этого слова Родбертус определяет как продукт, предназначенный для дальнейшего производства, предварительно совершенный труд. По отношению же к прибыли, которую он должен приносить, или с точки зрения современного предпринимателя, он является в виде издержек предприятия, чтобы быть капиталом.

По мысли Родбертуса, в античном обществе сами рабочие являются составной частью капитала, а в «будущем периоде» все средства производства перейдут в распоряжение общества так, что исторический капитал сольется с «капиталом в логическом смысле этого слова»: он явится в виде продукта, предназначенного для дальнейшего производства, а не в виде «издержек частного предпринимателя».

Таким образом, Родбертус предпринял попытку установить различия между логическими и историческими категориями. Термином «капитал» в логическом смысле слова он обозначал средства производства вне всякой связи с общественными отношениями людей, а термином «капитал» в историческом смысле он хотел выразить именно эти общественные отношения. Определяя критерий, в соответствии с которым «капитал в историческом смысле» может выражать собою общественные отношения производства, Родбертус взял чисто юридический признак: большую или меньшую широту сферы частной собственности. Так, характерным признаком античного исторического капитала, по его мысли, является то, что сами трудящиеся представляют объект собственности, а капитала в историческом смысле нет в современном ему обществе, т. к. понятие о заработной плате как его части противоречило бы современному правовому положению работника».

Плеханов показывает, что попытка Родбертуса создать логическое и историческое понятие капитала предпринята им в противовес классической школе, исследования которой ограничивались только одним из всемирно-исторических периодов — буржуазным периодом. «Считая «делом природы» то, что было лишь «делом истории», экономисты-классики не могли воспользоваться сравнительным методом, с помощью которого Родбертус надеялся выявить характерные особенности каждого из «всемирно-исторических периодов» (3, т. 1, с. 242).

Но то положительное, что Родбертус наметил, он решил, по мнению Плеханова, неудовлетворительно. Во-первых, из теории

Родбертуса следует, что «капитал в логическом смысле» существовал только в головах экономистов и понятие о нем получит реальное значение лишь в более или менее отдаленном будущем вследствие отождествления исторического капитала с логическим. Во-вторых, из него следует, что понятие о «логическом капитале» экономисты достигают, лишая понятие «об историческом капитале» некоторой части его содержания. А какой именно части, это зависит от того, к какому направлению принадлежит экономист, производящий эту «логическую операцию». Родбертус, например, говорит Плеханов, думает, что понятие о заработной плате как части «логического капитала», противоречило бы «современному правовому положению работника». Поэтому он относит ее к категории дохода и понимает под «логическим капиталом» лишь материал и орудия труда. Другие экономисты и на рабочего смотрят как на машину, на постройку которой был затрачен известный капитал. Эти «ученые», по словам Плеханова, рассматривают вещи, как они существуют фактически и не заботятся о разладе юридических понятий с печальной действительностью. Они сказали бы, что понятие о логическом капитале уже в настоящее время совершенно совпало с понятием об историческом капитале. Разногласия эти могли бы подать повод к продолжительным спорам, которые не уяснили бы понятий о капитале и остались бы бесплодными по той причине, что спорящие стороны не знали бы хорошо, о каком значении «капитала» идет речь, рассматривают ли они его с технической или общественно-экономической точки зрения.

По смыслу предлагаемого Родбертусом определения: кремневый топор и кожа убитого дикарем зверя является таким же «капиталом в логическом смысле этого слова», как и хлопчатая бумага и паровые машины современного фабриканта. Кремневый топор есть такой же «продукт, предназначенный для дальнейшего производства», как и паровая машина. С точки зрения процесса производства определение это справедливо: орудия и материалы труда всегда играют одинаковую роль в этом процессе. Но общественные отношения, как показывает Плеханов, в условиях которых происходит процесс производства, далеко не одинаковы на различных ступенях общественного развития. Возьмем для примера, говорит он, отношение «продукта, предназначенного для дальнейшего производства» к самому производителю. Современный пролетарий поработает машиной, между тем как дикарь не мог бы и вообразить себя в зависимости от своего собственного орудия труда. Дикарь эксплуатирует средства производства, современный же рабочий, напротив, эксплуатируется ими. Теперь уже не «ка-

питал» существует для удовлетворения потребности трудящихся, а трудящийся существует ради удовлетворения потребностей капитала — создание прибавочной стоимости. «Капитал» был **вещью** для дикаря и является в виде **общественного отношения** для современного работника. Это общественное отношение совершенно не определяется словами «капитал есть предварительно совершенный труд», а касается только роли «капитала», в процессе производства, внутри фабрики или мастерской. Чтобы правильно определить понятие «капитал», считает Плеханов, нужно прибавить, что, во-первых, «продукт предварительного труда» господствует над трудом настоящего времени и, во-вторых, что целью этого господства является производство прибавочной стоимости. В этом смысле употребляли слово «капитал» экономисты-классики. Плеханов подчеркивает их заслугу в разработке такого понимания капитала, но вместе с тем показывает, что они переносили современные им понятия на все фазисы общественного развития и полагали, что средства производства всегда играли одинаковую роль, принося прибыль своему обладателю. Они не делали различия между средствами производства и капиталом по той же причине, по которой не могли представить продукт иначе как в виде товара. Как меновая стоимость казалась им непререкаемым свойством всякого продукта, так и «продукт, предназначенный для дальнейшего производства» всегда владел, по их мнению, способностью приносить прибавочную стоимость, т. е. процент за прибыль.

Плеханов показывает, что Родбертус, хорошо знавший экономическую историю, уже понимал, что обычное представление о капитале справедливо только по отношению к буржуазному периоду. Поэтому он и ввел различия между историческими и логическими категориями, между капиталом логическим и капиталом историческим. Первым термином он обозначил средства производства, вне всякой их связи с общественными отношениями людей, вторым — хотел выразить именно эти общественные отношения. Но для Родбертуса не было еще ясно, когда и при каких условиях «капитал в историческом смысле этого слова» может выражать собой общественные отношения производства. Если бы для него была ясна эта особенность, то он не стал бы обозначать одним и тем же термином «капитал» два совершенно различных понятия: «Тогда «капитал в логическом смысле этого слова» был бы назван им просто средствами производства; капиталом же эти средства производства явились бы для него лишь в известную эпоху общественно-экономического развития, когда посредством их эксплуатируется труд работника с целью производства прибавочной стоимости, и когда рабочая сила сама является товаром,

продаваемым в розницу различным предпринимателям» (3, т. 1, с. 351—352).

Таким образом, характеризуя категорию «капитала», Плеханов прежде всего отмечал социальную его природу, связь с определенными общественными отношениями. Вместе с тем он положительно оценивал взгляды экономистов, указывающих на эксплуатацию капиталом наемного труда.